

Л. Ю. Яковлева³**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ТОПОЛОГИИ ПУТЕШЕСТВИЯ**

Проблема взаимодействия культур в ракурсе соотношения локального и глобального может быть рассмотрена в рамках пространственного или «топологического» поворота⁴, которым отмечены работы в сфере современной западной культурологии, философии и социологии. Под топологическим поворотом в гуманитарных науках понимается общая для многих междисциплинарных исследований установка на изучение пространственных условий, которые оказывают непосредственное влияние на рассматриваемый феномен, будь то общество, культура или сознание.

В современной отечественной культурологии в качестве важнейших концептуальных решений вопроса о специфике пространства российской культуры могут быть рассмотрены работы Д. Н. Замятина, направленные на исследование геокультуры российского ландшафта, и В. В. Савчука, разрабатывающего метод топологической рефлексии⁵. Феноменологическое описание образов пространства, географии путешествий в лите-

ратуре Д. Замятина позволяет выделить типические образы пространств, которыми отмечен российский культурный ландшафт⁶. В то же время топологическая рефлексия не только позволяет осмыслить пространственную топологию, но и призывает к более широкому рассмотрению пространства культуры, включающего не только географические, но и социальные условия существования культуры, искусства, медиа. Несмотря на различие указанных подходов, как методология Д. Н. Замятина, так и топологическая рефлексия В. В. Савчука позволяют осуществлять поиск локального своеобразия вопреки унифицированной глобальной топологии.

Интерес к локальной топологии обусловлен поиском идентичности культуры и ее репрезентации в таких пространственных образах, которые отличают ее от других культур. Анализ типических образов пространства культуры позволяет выделять те топологические константы, благодаря которым она может быть полноправным участником диалога, взаимодействия с пространствами других культур.

Область, в которой подобные пространства получают особенно яркое воплощение, а российский ландшафт представлен наиболее полно, относится к пласту автобиографической литературы⁷, мемуаристики, путевых заметок. Именно автобиография или путевые заметки могут послужить источником для выявления российских топологических констант, для ана-

³ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор 14 научных публикаций, в т. ч.: «Авангард глобализации: современный небоскреб» (в соавт.), «Ландшафты творчества в метафорике жизненного пути», «Медиаальность картографии», «Медиаальность символического», «Репрезентация времени в современной архитектуре: от материи к технологии» (в соавт.), «Топология таинственного в произведениях Ф. Кафки» и др.

⁴ Günzel S. Spatial Turn — Topographical Turn — Topological Turn. Über die Unterschiede zwischen Raumparadigmen // Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / J. Döring (Hrsg.). Bielefeld : Transcript, 2008. S. 219–237.

⁵ Савчук В. В. Топологическая рефлексия. СПб. : Канон + ; Реабилитация, 2012.

⁶ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М. : Знак, 2006.

⁷ Артамошкина Л. Е. Биографический и социокультурный тип в аналитике культурно-исторического дискурса // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Киев : КГУ, 2013. С. 162–165.

лиза их своеобразия и трансформации в зависимости от рассматриваемой эпохи. В этом отношении исследование биографии должно выходить за границы исключительно филологических штудий и может стать объектом культурологии и культурфилософского анализа. Так, если анализ пространства России будет осуществляться на основе мемуаристики и путевых заметок советских и российских писателей, культурных деятелей, то возникнет возможность раскрытия специфики не только исключительно воображаемых мест, но и «реальных». Под «реальностью» топологии здесь не подразумевается нечто независимое от сознания живущего на этой территории человека, но такая топология, которая разделяется многими и через мемуарику становится объектом и достоянием культурной памяти¹. Тем самым не только поэтический образ пространства, но и репрезентация реального пространства культуры входит в сферу культурологического исследования.

Особое значение приобретает мотив пути и путешествия, которым пронизаны почти все автобиографические работы. Имеется несколько оснований, которые позволяют выделять данный мотив в качестве центрального для аналитики взаимодействия культур как взаимодействия различных пространств. Во-первых, именно в описании пути, в перемене мест, в путешествии или эмиграции в другую страну с особой интенсивностью выступают различия культур на уровне ландшафта. Столкновение пространств приводит к изменению самосознания личности, к попытке прийти к компромиссу культур, найти свою позицию в чуждом и незнакомом ландшафте другой страны. Поскольку самоидентификация человека теснейшим образом связана с тем местом, где он выстраивает порядок собственного жизненного мира, то и изменение топологии выявляет ее специфику и локальность топологии, несводимость и незаменимость одних пространств другими. Таким образом, на основе мемуаристики и путевых заметок мы получаем доступ не только к образам топологии, свойственной для той или иной страны, но и к ее трансформации на протяжении эпох, к выявлению ее неповторимых черт в рамках отдельного исторического периода.

Второе не менее значимое основание для анализа культурного ландшафта на основе темы и метафоры пути имеет отношение к роли пути как особого символа российской идентичности. Путь, по замечанию российского культуролога И. П. Смирнова, написавшего на эту тему исследование *Nomo viator*, отсыла-

ет к нас к длительной и непрерывной вплоть до XX века истории странничества, которое исчезло в качестве субкультуры, но оставило заметный след в выборе образов для описания пространства в художественной литературе и мемуаристике². В то же время фактор пространства, широта и простор давно стали образами российской культуры и утвердились в ней как своего рода клише, непоколебимые константы самоидентификации. Так, русский философ Николай Бердяев использует метафору «география русской души»³, проводя тем самым параллель между типом власти, характером, духовной сферой и непосредственным влиянием на нее особенностей ландшафта.

Показательным в этом же отношении выступает исследование российских филологов, посвященное константам пространственной семантики в русском литературном языке, важнейшими из которых являются образы «простора», «дали», «раздолья», «неприкаянности» и одновременно особого русского, не сравнимого, например, с немецким, понимания домашнего «уюта»⁴.

Для интерпретации образов пути особый интерес могут представлять автобиографии, описывающие изменения в пространстве, происходившие на переломе эпох и в постсоветское время. Несмотря на то что автобиографическое письмо играет меньшую роль в современности, прежде всего в связи с формой новых медиа, с ведением интернет-блогов о путешествиях, тем не менее ряд современных российских авторов — П. Вайль, А. Генис, Т. Толстая, М. Герман, С. Савицкий — по-прежнему посвящают свою прозу и мемуарику путешествиям и предлагают емкие образы и метафоры пространственной идентичности российской культуры в ее сравнении с европейскими странами или США.

Подобные символы, метафорика пути позволяют заострить проблематику локальности культуры, неповторимости ее ландшафта, вскрыть те опорные точки, в которых чисто пространственные условия оставляют неизгладимый след в поведении, экзистенциальной устроенности населяющего это пространство индивида. Путешествие как связывает, так и разъединяет культуры, позволяет найти вариации таких пространственных символов, как даль–близь, уют–чуждость, дом–чужбина, простор–теснота. Мемуаристика, таким образом, является тем незаменимым материалом для культурологии, который обогащается конкретикой жизненного мира с многообразием граней национального ландшафта.

² Смирнов И. П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб. : Алетей, 2006.

³ Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой. URL: http://www.odinblago.ru/vlast_prostranstv (дата обращения: 10.03.2018).

⁴ Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 35–45.

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах. М. : Языки славянской культуры, 2004.